

9 и 13 марта в Москве SHAMAN выступил с программой "Я русский". Оба концерта в зале на 7 тыс. мест прошли с аншлагами.

ЯРОСЛАВ ДРОНОВ, выступающий под сценическим псевдонимом SHAMAN, сегодня бьёт рекорды популярности. Миллионы прослушиваний его песен чуть ли не в первые сутки после их выхода в сеть, порядка полумиллиарда просмотров и прослушиваний на различных музыкальных платформах в течение последнего года, попадание хита "Я русский" в "100 лучших клипов мира" на "Ютубе" — это лишь измеримые показатели.

В годовщину СВО он неожиданно ворвался в наш звёздный ряд поп-, рок- и прочих певцов, заняв в нём первые позиции. "Я русский" и "Встанем", написанные, как и почти все его песни-композиции, самим Ярославом, стали своего рода гимнами дня

ОН — РУССКИЙ!

Талант и труд Ярослава Дронова («Шамана»)

сегодняшнего. Певец вышел и в информационное пространство. В связи с начавшимся масштабным гастрольным турне по России его атаковали журналисты, которых почему-то интересуют, прежде всего, два вопроса: что он сделает с анонимным доносчиком, обвинившим его в экстремизме за песню "Я русский", и зачем он в клипе "Исповедь" позволил срезать свои так называемые дреды — косички-завитки, которые, казалось, так подходили образу этогокого мальчика-Леля, бродящего по бескрайним колысающимся полям в клипе "Я русский".

Прежде, чем дать ответы на эти вопросы, надо отметить, что Ярослав Дронов скромен и сдержан в оценках себя и других. Это проявилось и в многочисленных интервью, и особенно в телепрограмме у чрезвычайно знаменитого Малахова. Скорее всего, это традиции семьи Ярослава, доказательством чему служат слова его отца, профессионального музыканта Юрия Дронова, который также стал участником концертов сына, а журналистам сказал, что певец SHAMAN, конечно, публичная фигура, но не звезда, ибо звёзды — они наверху.

Но всё-таки почему? Почему такая популярность? Ведь на концерты SMAMAN-а в Питер не-которые зрители, а точнее, зрительницы приехали, например, даже из проклинающей сегодня русских Германии. А уж про другие российские города, которые не попали в географию нынешних гастролей, и говорить не приходится. Почему концерты 2 и 3 марта в зале «Октябрьский» в Петербурге, с которых начался проходивший сейчас гастрольный тур, прошли с аншлагами? А это зал на 3,5 тысячи мест. И это при том, что, по многим свидетельствам, в городе не было ни одной афиши концерта. И первые появились только 1 марта вечером, да и то уже на завершающие даты тура — 30 и 31 марта. Может быть, некоторые представители властей "второй столицы" излишне космополитичны? Ведь афиша гласит "Я русский".

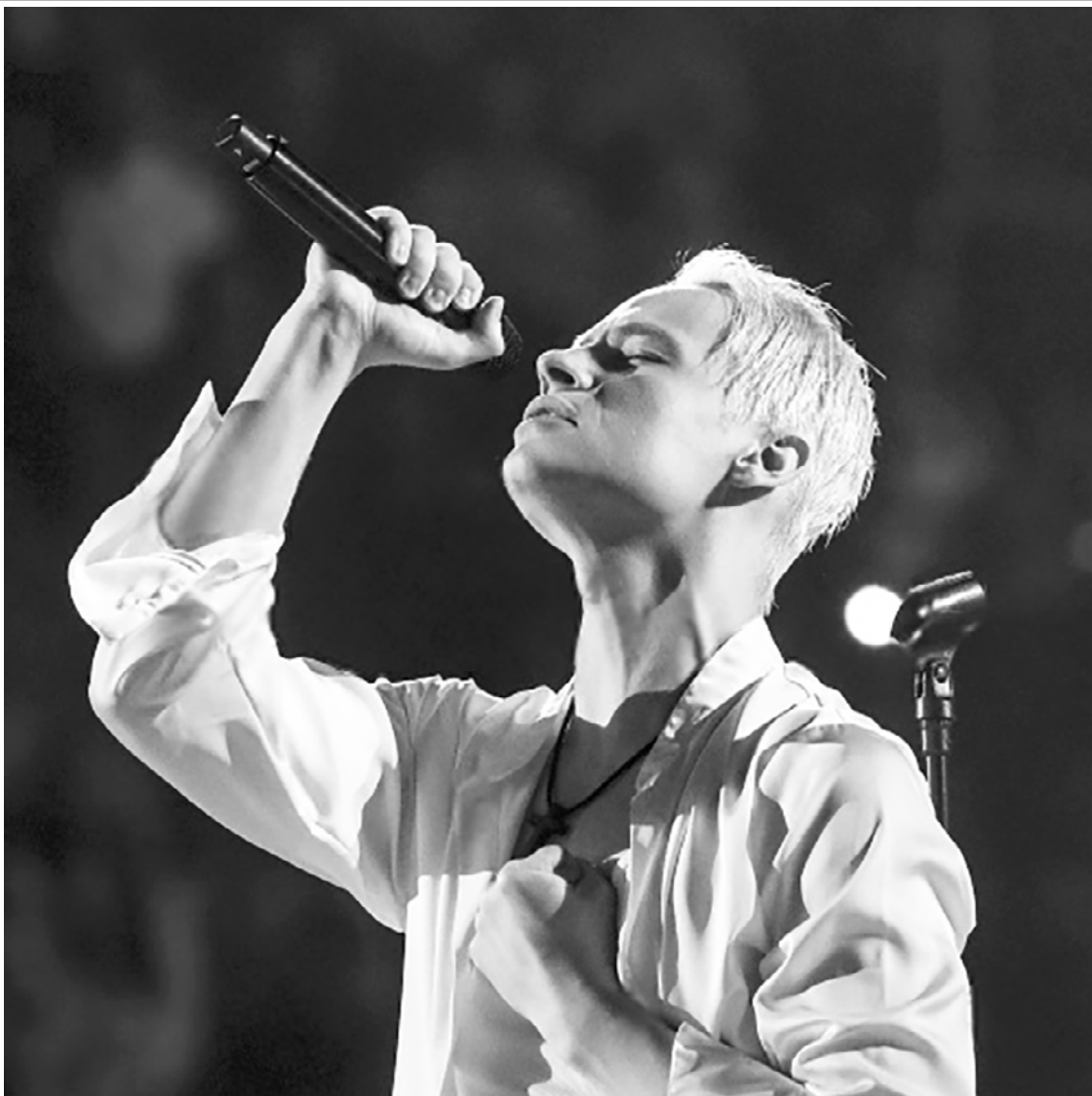
ТАК В ЧЁМ ЖЕ феномен SHAMAN-а? Да в том, что он — русский. Он — из нас. Из тех, кто (как он написал в объяснительной по поводу "экстремизма") вне зависимости от этнической принадлежности с удовольствием слушает и поёт его песни, в том числе и "экстремистскую" "Я русский". А ещё он поёт о том, да и сам представляет собой то, что большинством из нас не осознаётся. Мы просто несём это в себе. И вот, наконец-то, оно оказалось явлено благодаря голосу и творчеству SHAMAN-а. Не случайно на его концертах всегда звучат и голоса его зрителей, когда он выходит в зал, и любой человек может спеть вместе с любимым артистом.

Как тут не вспомнить те таинственные коды русского человека — базовые свойства нашего национального характера, о которых неоднократно говорил и писал Александр Андреевич Проханов. Все эти коды проявились чудесным образом в личности Ярослава Дронова.

Возьмём установку на возможность невозможного. У Проханова это и взыскание мечты, и извечное ожидание русского чуда. Сюда же — и священность труда. А что SHAMAN? Известно, что до нынешнего "взрыва сверхновой звезды" автор и исполнитель собственных песен, режиссёр своих клипов Ярослав Дронов написал более двухсот композиций, оставаясь неизвестным миллионом. Сразу вспоминаешь Маяковского и его "тысячи тонн" руды единого слова ради — того, что прозвучит по-настоящему. А уж что говорить о чуде! SHAMAN живёт чудом и в чуде. Свой сценический псевдоним он приобрёл тоже отражением чуда: слушатели и поклонники говорили ему, что в его действе и пении есть нечто магическое. Чудом он называет аншлаги на его сегодняшних концертах. Ярослав часто говорит о необходимости самоотдачи, и зритель встаёт с мест, проникаясь его истовой самоотверженностью на сцене. Он не выходит на сцену, не помогавшись. И композиция "Исповедь" о чём, как не об этом? А слова "Я русский, я иду до конца" из "экстремистской" песни? А код воскрешения — не об этом ли?

Прохановские общие дело и оборонное сознание. Из этого состоит весь сегодняшний репертуар певца. Разумеется, исполняет он и то, что написано на эту тему до него, но по-своему, как то же "Полюшко-поле". И когда Ярослав говорит журналисту: "Любовь к Родине — это высшая форма любви", — ему веришь. В Луганске на концерте он записал голоса донбассцев, где каждый из них произносит слово "Мы", и они будут звучать в новой песне. А "Гимн России" в авторской аранжировке на любом из концертов, хоть в Ялте, хоть в Питере, поёт весь зал.

И, наконец, русская всемирность — это тоже по Проханову. Ведь не устоял же перед ней в лице певца антироссийский "Ютюб". Кстати, к вопросу о латинском написании псевдонима. Конечно, об

этом его тоже спросили, мол, не совсем понятно в разрезе патриотизма и указаний высшего руководства об очищении русского языка от заимствований. Ответ, если коротко, был таков: я пришёл из интернета, а там всё на латинице, так пусть знают наших. Возможно, певец когда-то поменяет и это. Как сменил те самые дреды.

ТАЛАНТ — это всегда чудо. Чудо и труд. Ярослав Дронов получил высшее музыкальное образование (знаменитая "гнесинка"), изучал народное пение. Он — многосторонний профессионал высокого уровня.

SHAMAN и народен, и остро современен. Традиция существует только в интерпретации. Вроде бы давно забытые народные песни обретают благодаря Ярославу Дронову новую жизнь и снова будят в нас те самые коды.

А под занавес про... дреды. Казалось бы, тема несерьёзная. Да не знает он, почему так случи-

лось. Так и сказал интервьюерам. Но ведь большой артист и не обязан про себя всё знать или просто говорить (Ищите ответ в его композиции "Исповедь" — Прим.).

SHAMAN оказался созвучен времени, уловил его зов. В том числе и поэтому засуетились бесы так называемой критики, мол, SHAMAN — "кремлёвский проект". Ну что ж, даже если бы это было так, то "проект" однозначно успешный. И праведный.

"Я русский, я иду до конца". Иди, SHAMAN, иди. Пусть дарует тебе Всевышний "осилить жизни путь", как ты просишь в песне.

P.S. И, конечно, он снова приедет в Донбасс, в другие прифронтовые российские города, о датах посещения которых заранее не объявляется, по понятным причинам.

Юлия СЫРОЕЖИНА, кандидат психологических наук

СВЯЩЕННЫЙ ЭКСТАЗ

Об альбоме Александра Ф. Скляра и группы «Ва-Банк»

АЛЕКСАНДРУ СКЛЯРУ — 65. Пожалуй, непросто в это поверить. Но фигура возраста, соответствия себе, без нарочитого "омолаживания" для Александра Феликсовича всегда играла важную роль. Скляр меняется сам, вслед за ним трансформируются песни, тип высказывания. Начиналось всё, пожалуй, с типичного панковского жеста-«присутствия» — "мы здесь, принимайте нас такими, какие мы есть", но постепенно Александр Феликсович перешёл к "самовыражению" и "проповедничеству". Однако "проповедничество" у него не носит характер урюжогом начётничества. А песни — не только настроение, драйв и мировоззрение, но и как правило интересная история.

Название альбому дала версия мамоновских "Стариков". Вероятно, есть здесь игровой момент, ведь у Скляра явно идёт время зрелости. Впрочем, от лица "стариков" «Ва-Банк» говорил ещё два десятилетия назад в "Радиодырах", и уже там "безумные старцы" были бодры, самостоятельны и, между прочим, танцевали — на площади, с огнём и даже под The Cure. По мне, детские Роберта Смита сейчас не особо кстати: из британских матров по духу Скляру со товарищи скорее ближе, например, The Stranglers.

ПОСЛЕДНИЙ на данный момент альбом «Ва-Банка» готовился и записывался в течение трёх лет, ещё с 2019 года, до всех больших событий. Половина песен (как то, "Крысы не бьют чётётку", "Мальчик Эдик" или "Батум" на стихотворение Есенина) была представлена публике в виде отдельных синглов. Но, как и бывает у таких художников, за прошедшее время номера не устарели, наоборот — обрели дополнительные измерения. И пластинка — если и не концептуальная, то цельная, каждая песня программна.

Альбом открывает внушительный "Скарабей", сразу расставляя точки над и, обращаясь к тем, с кем "Ва-Банк" давно говорит на одном языке. Но остальным вход вовсе не заказан, лишь бы бытие не определило их сознание.

Склярковский мир привычно густо населён (и с каждым годом становится только богаче) персонажами истории, культуры, мифологии. Но в песнях они не просто эффектные статисты, с ними всегда идёт своеобразный диалог. И вот наш старый знакомый Вася-Со-весть, для которого уже нет границ миров, беседует с Шатовым, Базаровым и князем Мышкиным. Таким элегантным образом Скляр затронул и проблемы современной России, и, возможно, ни в коей мере не впадая в отрицание классики, подставил вопросы и к влиянию этих литературных героев. Из литературы ещё — опять промелькнул Грин, появился поздний Есенин, отчасти неожиданно пополнил склярские свят-

цы Лимонов, не только как писатель, но и как политик-воин-бунтарь. Скляр воплощает на пластинках свои жизненные стратегии. Темы, образы, даже звучание коррелируют с опытом и представлениями. Да, так и должно быть, но объективно не самый частый случай в поп-рок-мире. А то, что Александр Феликсович относится к делу довольно серьёзно — тоже не секрет. Он знает, что рок-музыка может быть близкой и мистике, и метафизике. "Старики танцуют" — это основательная версия русского рока. "Русское пространство экзистенциально, загадочно и рационально непознаваемо. Нет аналогов этому пространству, и оно не будет никогда таким, каким в результате всего стал Запад, и каким он хочет,

чтобы стали все остальные. Не станет: наши потаённые коды не дадут этого сделать", — говорит Скляр. "Нам Элвис Пресли не указ" в посвящении Мурскому "Modest The Best" — не панк-выпад, но осмысленное желание идти своим путём. Не гнаться за реальными и спорными достижениями западной сцены, но в первую очередь отталкиваться от русской культурной традиции. Этакая рок-автаркия. Может быть, логичнее было бы больше задействовать этно-экспериментальные формы, хотя, возможно, в этом случае была бы сложность и со смысловой составляющей, которая для Скляра принципиальна (и звучит даже в условно ироничных номерах типа "Партизанской застольной"), и с обращением к широкой аудитории. Посему плотный гитарный рок, близ напугиваются интонациями эстрады, кабаре, городского фольклора.

Ещё на ум приходят известные формулы писателя и критика Владимира Марочкина: "Русский рок — это Пушкин на дуэли и Есенин в "Англетере", и неслучайно, что на Руси рок это судьба, а не "скала" или "качайся". Правда, и "качаться" можно использовать, ибо тема танца заявлена здесь довольно громко. Снова хочется вспомнить вековой давности прозрения Максимкиана Волошина: "Танец — это такой же священный экстаз тела, как молитва — экстаз души. Поэтому танец в своей сущности самое высокое и самое древнее из всех искусств. Оно выше музыки, оно выше поэзии, потому что в танце вне посредства слова и вне посредства инструмента человек сам становится инструментом, песней и творцом, и всё его тело звучит, как тембр голоса". Так что и все эти танцы стариков могут иметь далеко идущие последствия.

АЛЬБОМ-ПУТЬ, альбом-путешествие, альбом-метафора. Интонационно, образно — многое знакомо, и это понятно: у Скляра есть "вечные", обязательные темы, к тому же он предпочитает не гоняться за новизной ради новизны, но глубже осваивать открытое. Пожалуй, заметнее, чем обычно, на "Стариках" зазвучала тема "мы". И важным рефреном стала готовность стоять до конца за свою правду.

"Прав Гераклит: никто не войдёт дважды в одну и ту же реку. Тайна такого рода чередования в том, что оно отвечает и происшедшим внутри нас переменам — мы сами образуем собой мир, и то, что мы переживаем, подчинено не случаю. Вещи притягиваются и отбираются благодаря нашему состоянию: мир таков, какими свойствами обладаем мы. Каждый из нас, следовательно, в состоянии изменить мир — в этом громадное значение, которым наделяны люди. Вот почему так важно, чтобы мы работали над собой". (Эрнст Юнгер)

Андрей СМИРНОВ

СЮЖЕТЫ ЗАПАДНЫХ, особенно голливудских, фильмов о Второй мировой войне, как правило, вращаются вокруг нижеследующих тем: 1) всё выиграла Америка, иной раз при слабеньком участии Великобритании, а коли бы Советский Союз не болтался под ногами, то победа случилась бы ещё раньше; 2) главное преступление немецкого нацизма — это Холокост; 3) надо понять и даже простить рядового солдата (можно и офицера) вермахта, ибо не корысти ради, а тожко злюю волею посланного его фюрера. Если первая тема выглядит глупо и гнусно, а третья — подло, то вторая, насчёт Холокоста, вызывает неудобные вопросы.

Гитлеризм убивал всех — его античеловеческая суть распространялась на все народы: и на славян, и на "истинных арийцев". Германский национал-социализм — это уничтожение самого понятия "человечность", и когда жгли русских, белорусов или, допустим, французоз в посёлке Орадур-сюр-Глан, это было ничуть не менее страшно, чем карательные акции в отношении еврейского населения. Интернациональная идея, в рамках которой совершалось и моё воспитание, гласит, что все мы равны, а еврейское чадю не хуже, но и не ценнее русского, немецкого, цыганского. Не только советский интернационализм, но и странноватая западная толерантность — это концепция равенства.

Тем не менее кинокартины о Холокосте давно сделались мейнстримом — от полудокументальных сериалов до гениального "Списка Шиндлера" (1993 г.). Представить себе, что кто-то снимет дорогостоящую пафосную ленту о геноциде славян, как-то не получается. Это у них там, в Голливудах. У нас же всегда подчёркивалось, что трагедия еврейской нации — это часть общей неделимой беды. Однако зарубежные тренды всё-таки добрались и до наших авторов. Так, "Собибор" (2018 г.) с Константином Хабенским в главной роли уже подчёркивал этническую (а не советскую) сущность Александра Печерского, а в киноленту "Матч" (2012 г.), посвящённую легендарному "матчу смерти" между киевлянами (экс-"Динамо") и наци-командой, включили непременно расстрел евреев в Бабьём Яру.

ИВОТ ПРЕМЬЕРА сезона — военная драма "Праведник" Сергея Урсуляка. Он — великопленный мастер, создавший один из лучших проек-

ТЯГОМОТИНА

О фильме «Праведник»

тов российского телевидения — ретросериал "Ликвидация" (2007 г.). Недурно потягавшись со Станиславом Говорухиным и произведя свой аналог "Места встречи...", Урсуляк решил выдать свой "Список Шиндлера". Благо и реальный герой имелся (гораздо приличнее бизнесмена Оскара Шиндлера), и тема в трендах. Но увы. Догнать и перегнать Стивена Спилберга — это утопия.

Фильм ощущается как чудовищная тяготинона, притом что он динамичен, а кроме эпизодического Сергея Маковецкого, изображавшего примерно то же, что и в "Ликвидации", никто и не блещет. Впрочем, я забегаю вперёд. Перед нами — история Николая Киселёва, советского политрука, партизана, спасшего жизнь 218 евреям из Долгиновского гетто. В роли Киселёва снялся хороший актёр Александр Яценко, запомнившийся по "Аритмии" (2017 г.), где он сыграл врача, как говорится, на разрыв аорты. Здесь же такого эффекта не наблюдаю, да и коллеги Яценко, за исключением вышеупомянутого Маковецкого, не произвели впечатления. Общий фон: типичная war drama, каковые у нас клепаются с начала 2000-х годов, и уже неважно, о чём зашла речь: о танке Т-34, Сталинграде, блокаде, организации "Молодая гвардия" или о Холокосте.

Напрягло и то, что Киселёва, политрука, имевшего престижное высшее образование (а он — выпускник Института внешней торговли в Москве и после войны работал во Внешторге) изображали таким простецким пацанчиком. Его напарник — бывший урка по кличке Ферзь родом из Нижнего Тагила. Им на контрасте даны евреи — они и в экстремальных условиях похожи на библейских героев эпохи Возрождения. Сравните того же Ферзя и юношу-красавца Моше Тяля, чья судьба раскрывается наиболее содержательно. С неким юмором показана лав-стори Ферзя и еврейской девушки Товы Липницки. Он — дикий, она — царица. Он следует за ней в манере Петрухи из "Блудного солнца пустыни" (1969 г.) с рефреном:

"Гюльчатай, открой личико!" Тут личико выявлено, да ничего нельзя. Дева столь чиста, что мальчишка теряется. Мы видим трансформацию Ферзя! Он становится мудрее, добрее, мягче, а затем... принимает иудейские правила. Дабы стать мужем Товы, парень соглашается на все положенные обряды.

АНТАГОНИСТ — "охотник на евреев" гауптштурмфюрер СС Рудольф Шмюкер — так шаблонен, что кажется героем комикса. Все эти спичи об учебе в Гёттингенском университете, страсть к музыкальной классике, цитирование Пушкина на ломаном русском языке — унылый набор "изощрённого фашиста". Не хватало лишь высокопарной речи о Нибелунгах да портрета Фридриха Великого в рамочке стиля рококо. Даже в строго идеологизированном советском кино фрицы имели отчётливые "лица", а не маски, а если уж вспоминать шедевральный "Список...", то полубезумная растрворённость Райфа Файнса в образе Амона-Леопольда Гёта — пример того, что можно слепить из банального ублюдка. Персонаж был так изумительно сложен, что вызывал (и вызывает) патологическую ненависть. А тут? Штамп на штампе.

Да. в кинокартине есть и пронзительные моменты, и жизнеутверждающий финал, и отличная композиция: действие происходит в двух временных плоскостях — в годы войны и в 2005 году, когда израильские посмертно присудили Киселёву звание Праведника народов мира. Его присваивают неевреям, спасавшим евреев в годы нацистской оккупации, рискуя при этом собственной жизнью. На мой, быть может, неизысканный вкус, фильм — на один раз. Не совсем уж провал, но и не прорыв. К тому же в дни судьбоносной спецоперации на Украине хотелось бы видеть на экранах не простоватых русских Ванек на фоне мудрых жителей местечка, но величавых Иванов, каковыми они и были.

Галина ИВАНКИНА

Кадр из фильма «Праведник»

ЛИЧУТИН

Милосердный самаритянин

Мы продолжаем презентацию проекта сайта zavtra.ru "Наши светочи", который посвящён выдающимся деятелям отечественной науки, искусства и культуры, связанным с газетой "Завтра".

ПОМНИТЕ пушкинские строки из "Памятника", эту поэтическую заповедь всем, кто считает себя причастным русской литературе, русскому языку и русской истории:

И даго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал...?

Казалось бы, что здесь особенного? Пробыди добрые чувства, восславь свободу, призови милость к падшим, — такая вот "пушкинская троица", ясная и простая. Но нет ничего сложнее, чем достичь хотя бы одной из этих целей, не говоря уже о гармонии между ними, даже в словах своих — не то, что на деле.

Владимир Владимирович ЛИЧУТИН (р. 13 марта 1940 года) интересен и значим прежде всего тем, что стремится следовать этим пушкинским заповедям: и в своем писательском деле, и в жизни своей, — причём не целевито-норочито, не напоказ, а естественно и просто, поскольку сам он такой и есть: из русского Поморья, "где каждый час другую погоду родит", из мезенского рода, который "уходит в такие глубокие века, что ещё Ломоносов приглашал Якова Личутина из Мезени кормщиком в первую русскую экспедицию Чичагова". Из тех краёв и веков, где люди искони сами свою крепость и свою свободу привыкли держать, зная, что "великое благо свободному человека — распоряжаться собою..." "Не своё — не ухватись, не своё — не удержишь, а что моё, то со мной и во мне пребудет..."

И в этой свободе нужнее и важнее всего оказывается воля к добруму: "Мы знаем, откуда грозит бедой, знаем, как воспротивиться ей, как бороться в кучку, чтобы дать отпора, но этого знания оказывается мало. Ибо не достаёт нам воли, чтобы заняться сначала собою, перековать себя для праведной жизни... Вот в эту прорешку — меж нашим знанием и волею — просачивается зло в самую суть человека и начинает коржжить его..." Всякий может устыдиться и упасть, но помочь другому удержаться и подняться всегда означает удержаться и подняться самому.

УВЛАДИМИРА Владимировича всё его писательство — а в 2015 году издательство "Бече" выпустило 12-томное собрание сочинений — попытка эти "прорешки" внутри сути, внутри сущности человеческой заплатать. С себя самого начиная. Любую рану — уварачивать, любой разлом — заживить, любой разрыв — ушить: меж людьми, народами, верами, эпохами...

Потому и спасаться из захваченной ельцинстами в "чёрном октябре" 1993 года Москвы Александр Проханов со товарищи по газете "День" решили не где-то ещё, а у Личутина, в рязанских лесах, канули туда, словно град Китеж в озеро Светлояр... Благо, на малое время. Ивынырыли оттуда, как скачущий Иван-Дурак из трёх чанов, — с идеей газеты "Завтра" о единстве всей истории русской.

Тогда ли задумал и повёл писатель свой роман-трилогию "Раскол" (1997), написанный чуть ли не языком XVII века, — про то, как, собственно, этот Раскол после Смуты на Руси случился и зажемылся далее? Бог весть, но уже с первых личутинских публикаций в петрозаводском журнале "Север" начала 1970-х годов, был замечен и отмечен их особый язык, на котором равной жизнью звучали и древние былинны с быличками, и самые что ни на есть острые публицистические статьи "на злобу дня", и всё это сливалось в едином потоке, который можно назвать, по имени одной из повестей автора, "Река любви".

Любовь у него — человеческая, "понять которую нельзя, но где наслаждение, мучение и отвращение пируют за одним столом..." По романам "Фаразон" (1979) и "Любостай" (1987) при желании можно изучать тайную демонологию и брже-невского "застоя", и горбачёвской "перестройки". "Любостай", кстати — народное прозвание Опенного Змея, способного принимать облик погибшего любимого человека, являться в его виде тоскующему сердцу: мужскому, а чаще — женскому, общывать и так сводить в могилу... Но и здесь: "Господь души не выметет, так сама не выйдет. Смерть — кабы продавался, тогда бы купил и помер. А то куда ещё придёт, ногами надыраешься..."

Роман "Миледи Ротман" (2001) увидел свет почти одновременно с солженищинским "Двести лет вместе" и другим взглядом, в другой — не столько исторической, сколько метафизической — перспективе, обзор русско-еврейские отношения. Увиденное и мало кому показанное Личутиным — да ещё через линзу того, только ныне понятно, что переломного, между "тихими девяностыми" и "путинской эпохой", времени — пришло по сердцу. Но не звучит ли упрёки в адрес писателя: мол, не в должной мере держится "за наш якорь спасения — Православие... вместо него — сплошным потоком ворожейная, хмельная, неоязыческая мистика со всякими лешими и чертовщинкой", — неким фарисейским укором в адрес милосердного самаритянина?

Да и сам автор на ответ не скупись: "На тыщи верст под Библией мать-сыра земля напигана слезами радости и умиления, и кровью безжалостной местности...", — знаа точно: "Всем мил никогда не будешь, сладкое разпикут, горькое распылют..." А что кому, когда и как горько, что сладко — опять же, Бог весть. Даже самая забубенная, самая вроде бы беспутная и нежная судьба человеческая отмечается свыше. "Какую свободную минуточку урву, кувшин в руку, под мышку куль с Артёмкой — и в лес. Положу малеханного на чокчу и давай ягоды собирать. Вот так однажды рву ягода по ягоде, — опомнилась, паренька-то моего под рукой нету. Ой-ой... Где дитё? — окружилась и место забыла. Запелла на сосенку глядеть: нету нигде. Ага... Слезла с дерева, заплакала. Господи, — вою, — и так малынько никошной удался, дак ещё и потеряла. Скажут на деревне, что нарочно оставила. Стала бегать, искать — и наткнулась. Лежит себе на кочке, палец сосёт и смеётся чему-то... С Богом, значит, беседует..."

Владимир ВИННИКОВ